

И. ТЕРЕНТЬЕВ

А. Блок. Скифы. Поэма

Блок совсем еще не старый человек: ему должно быть лет 35. Среди поэтов-символистов старой группы: Бальмонта, Брюсова, Сологуба — А. Блок может рассматриваться нами как художник, который сделает что-нибудь еще. Поэтому интерес к новым поэмам Блока зависит не столько от злободневности их содержания, сколько от стихотворческих особенностей, которые мы склонны находить во всем, что пишет Блок теперь, когда символизм утратил свое очарование.

Поэма «Скифы» так же скучна и по композиции и по исполнению, как поэма «Двенадцать».

Но и та и другая, в особенности «Скифы», очень показательны для поэтов молодых, насколько не случайна диктатура сменяющих друг друга школ и как беспомощна старость: «Мильоны вас, нас — тьмы, и тьмы, и тьмы»¹.

В этой первой строке дан весь разгон поэмы, изображающей многолюдство Востока и Запада, которые противостоят теперь друг другу равносильными — и в идейном и в кулачном отношении — врагами. Следует вызывающая речь Востока, и она, начинаясь мальчишеской фразой — «Попробуйте сразитесь с нами», — вся проникнута гимназически-университетскими воспоминаниями о «скифах», «азиатах», «расах», «лавилах», «перлах», «Эдипах», «сфинксах»... пока, лишенная всего, не добирается до лейтмотива: «Она глядит, глядит, глядит в тебя / И с ненавистью, и с любовью». Тот же разгон, что в первой строчке поэмы, здесь опять относится к наименее скучному месту стихов и тем изобличает технический прием, нужный автору в сильную минуту.

Этот прием состоит здесь вовсе не в повторении одного слова, а в том, что слова теряют свой облик: слово «тьма», вращаясь,

превращается в «ведь мы» или «ведьмы», а слово «глядит» кажется похожим на «летит».

Тут Блок причастился более молодой поэзии и тем стал под защиту единственного ее закона: закона случайности.

И не потому ли весь дальнейший отрывок, хотя и написанный в каноне старой пиитики, превосходен: «Мы помним все: парижских улиц ад и венецианские прохлады, лимонных рощ далекий аромат и Кельна дымные громады. Мы любим плоть, и вкус ее и цвет, и душный смертный плоти запах... Виновны ль мы, что хрустнет ваш скелет в тяжелых, нежных наших лапах?»² Этим поэма должна была бы и закончиться, все, что дальше — в поэтическом отношении пусто, в логическом — неубедительно, в политическом — поздно.

